

DOI: 10.31857/S086919080023788-3

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В РЕГИОНЕ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ<sup>1</sup>

© 2023

С.А. ГОРОХОВ <sup>a</sup>, М.М. АГАФОШИН <sup>b</sup>, Р.В. ДМИТРИЕВ <sup>c</sup><sup>a, b, c</sup> – Институт Африки РАН, Москва, Россия<sup>a</sup> – ORCID: 0000-0001-9984-6054; stgorohov@yandex.ru<sup>b</sup> – ORCID: 0000-0002-0245-0481; agafoshinmm@gmail.com<sup>c</sup> – ORCID: 0000-0003-4018-9832; dmitrievrv@yandex.ru

**Резюме:** В статье рассматривается политика Джибути, Эфиопии, Кении, Сомали, Судана, Южного Судана, Уганды и Эритреи в контексте возможности скоординированного ответа на вызовы миграционных кризисов. В Восточной Африке между странами, которые образуют Межправительственную организацию по развитию (IGAD), сформировались устойчивые миграционные связи и реализуются общие принципы политики в области миграции – это свидетельствует о формировании в регионе единой миграционной системы. Передвижение мигрантов в рамках последней происходит по четырем важнейшим международным маршрутам: маршрут Африканского Рога (между Эфиопией, Сомали, Эритреей и соседними странами Восточной Африки); Восточный маршрут (из стран Восточной Африки через Джибути, Сомали и Йемен – преимущественно в Саудовскую Аравию и другие нефтедобывающие страны Аравийского полуострова; далее продолжается морским и сухопутным Восточно-Средиземноморскими маршрутами); Южный маршрут (через Кению, Уганду в ЮАР); Северный маршрут (через страны Северной Африки – его ветви направлены в Италию и Испанию, продолжаясь соответственно морским Центрально-Средиземноморским и морским Западно-Средиземноморским маршрутами; еще одна ветвь пролегает через Египет и Израиль, арабские страны Азии и Турцию, вливаясь в Восточно-Средиземноморский сухопутный и морской маршруты). Кроме международных маршрутов, в регионе существуют устойчивые миграционные коридоры, связывающие несколько стран IGAD – например, Уганду и Южный Судан, Кению и Сомали. Слабость общей политики IGAD в отношении международной миграции состоит в том, что полный перечень внутриафриканских соглашений в области миграции не ратифицирован всеми странами региона. Миграционный кризис в Восточной Африке по своим масштабам и влиянию на страны региона превосходит Европейский и может привести к негативным последствиям не только на региональном, но и на глобальном уровне – в том случае, если мировое сообщество не задействует имеющиеся в его распоряжении политические и финансовые рычаги для решения всего комплекса сопутствующих проблем.

**Ключевые слова:** Африка, IGAD, миграция, миграционный кризис, беженцы, внутренне перемещенные лица, политика.

**Для цитирования:** Горохов С.А., Агафошин М.М., Дмитриев Р.В. Миграционный кризис в регионе Восточной Африки. *Восток (Oriens)*. 2023. № 1. С. 50–62. DOI: 10.31857/S086919080023788-3

<sup>1</sup> Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123 «Трансграничные перемещения населения: ограничения и перспективы международного регулирования в условиях миграционного кризиса».

MIGRANT CRISIS IN THE EAST AFRICA REGION<sup>2</sup>

© 2023 Stanislav A. GOROKHOV <sup>a</sup>, Maksim M. AGAFOSHIN <sup>b</sup>, Ruslan V. DMITRIEV <sup>c</sup>

<sup>a, b, c</sup> – Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<sup>a</sup> – ORCID: 0000-0001-9984-6054; stgorohov@yandex.ru

<sup>b</sup> – ORCID: 0000-0002-0245-0481; agafoshinmm@gmail.com

<sup>c</sup> – ORCID: 0000-0003-4018-9832; dmitrievrv@yandex.ru

**Abstract:** *The article examines the policy of Djibouti, Ethiopia, Kenya, Somalia, Sudan, South Sudan, Uganda and Eritrea in the context of coordinated response to the challenges of migrant crises. Large-scale and stable migration ties have developed between the countries that form the Intergovernmental Authority on Development (IGAD) in East Africa, and common principles of migration policy are being implemented, indicating the formation of a unified migration system. The movement of migrants within this framework occurs along four major international routes: Horn of Africa route (between Ethiopia, Somalia, Eritrea and neighboring countries of East Africa); Eastern route (from the countries of East Africa through Djibouti, Somalia and Yemen – mainly to the oil-producing countries of the Arabian Peninsula); Southern route (through Kenya, Uganda to South Africa); Northern route (through the countries of North Africa – to Italy and Spain; another branch runs through Egypt, Israel, the Arab countries of Asia and Turkey). The main weak point of the overall policy of the IGAD countries is that not all countries in the region have ratified the full set of intra-African agreements in the field of migration. It has been established that the migration crisis in East Africa surpasses the European one in its scale and impact on the countries of the region and can lead to negative consequences on a global scale if the world community does not use the available resources – political and financial – to solve the whole range of problems that caused the crisis.*

**Keywords:** Africa, IGAD, migration, migrant crisis, refugees, internally displaced persons, policy.

**For citation:** Gorokhov S.A., Agafoshin M.M., Dmitriev R.V. Migrant Crisis in the East Africa Region. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 1. Pp. 50–62. DOI: 10.31857/S086919080023788-3

## ВВЕДЕНИЕ

С конца прошлого века в Восточной Африке возникли новые государственные образования – как признанные мировым сообществом, так и самопровозглашенные или полунезависимые. В настоящее время в регионе активно действуют сепаратистские движения, создающие угрозу его дальнейшей фрагментации. Страны Восточной Африки, для многих из которых стали обыденными военные конфликты, этнические чистки, природные катаклизмы, составляют своеобразную «дугу кризисов» – зону экономической и военно-политической нестабильности.

Восточная Африка исторически всегда была важной частью глобальных миграционных и торговых потоков и продолжает играть в них важную роль. Ныне регион – один из крупнейших в мире продуцентов потоков беженцев, которые направлены в экономически

<sup>2</sup>The article was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00123 “Cross-border population movements: restrictions and prospects of international regulation in the context of the migration crisis”.

более благополучные и политически стабильные страны. Проблемы региона – в том числе те, которые способствовали обострению ситуации с беженцами – требовали от стран, в него входящих, выработки совместной стратегии в гуманитарной, экономической и политической сферах.

Интеграционные процессы в регионе активизировались в 1986 г. с созданием Межправительственной организации по вопросам засухи и развития, в которую вошли Джибути, Эфиопия, Кения, Сомали, Судан и Уганда; в 1996 г. она была преобразована в Межправительственную организацию по развитию (Intergovernmental Authority on Development – IGAD). В настоящее время в IGAD входят Джибути, Эфиопия, Кения, Сомали, Судан, Южный Судан<sup>3</sup>, Уганда и Эритрея.

### МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Важность для членов IGAD вопросов миграции и обеспечения прав беженцев обусловило принятие в 2008 г. декларации о совместном регулировании миграционных потоков [Declaration on the Establishment of IGAD..., 2008], которая получила развитие в ходе второго заседания Регионального консультативного саммита IGAD по вопросам миграции в Аддис-Абебе в 2012 г. Действуя на основе международных соглашений (таб. 1), страны-участницы смогли наладить обмен информацией в области контроля над миграцией, а также получили возможность финансирования своих проектов помощи внутренне перемещенным лицам (ВПЛ) и беженцам со стороны международных фондов и стран-доноров. В результате страны IGAD смогли не только сблизить национальное законодательство с международными нормативными обязательствами в области миграции [IGAD Regional Migration Policy Framework, 2012], но и предложить другим странам собственные подходы к разрешению миграционных кризисов. В Найробийской декларации 2017 г., касающейся ситуации в Сомали, члены организации взяли на себя обязательства в отношении обеспечения доступа беженцев к образованию и средствам к существованию, а также создания благоприятных условий для их безопасного добровольного возвращения и реинтеграции на родине [Nairobi Declaration on Somali Refugees..., 2017].

В то же время ни одно из внутриафриканских соглашений в области миграции, за исключением декларации Хартумского процесса, не ратифицировано одновременно всеми странами IGAD (таб. 1), что существенно затрудняет формирование коллективного ответа входящих в нее стран на соответствующие вызовы. Более того, неблагоприятная гуманитарная ситуация, сложившаяся в результате внутривосточных конфликтов и столкновений, приводит к активизации миграционных процессов в странах региона. Ограничения и локдауны, введенными странами IGAD в контексте пандемии COVID-19, привели к экономическим потерям, а также серьезно сказались на положении беженцев, ограничив их право на передвижение и став препятствием к получению ими доступа к убежищу.

В настоящее время в границах стран-членов организации сконцентрировано более 4,5 млн беженцев и искателей убежища, а также 12,6 млн ВПЛ. О роли региона в международных миграционных процессах свидетельствует тот факт, что на страны IGAD приходится 55 % всех вынужденных переселенцев в регионе Африки южнее Сахары (в том числе 65 % всех беженцев) и 23 % их общей численности в мире.

<sup>3</sup>Членство Южного Судана в IGAD приостановлено в декабре 2021 г. в связи с неуплатой ежегодных членских взносов.

Таблица 1. Основные соглашения по вопросам миграции с участием стран IGAD

Страна	1	2	3	4	5	6
Джибути	+	+	±	+	+	±
Эфиопия	+	+	+	+	+	–
Кения	+	+	+	–	+	±
Сомали	+	+	±	+	+	±
Судан	+	+	+	–	+	±
Южный Судан	+	+	+	+	+	±
Уганда	+	+	+	+	+	±
Эритрея	–	–	±	±	+	–

Примечания: + документ ратифицирован; ± документ подписан, но не ратифицирован; – документ не подписан.

<sup>1</sup> Конвенция Организации объединенных наций о статусе беженцев [Convention Relating to the Status of Refugees, 1951].

<sup>2</sup> Протокол Организации объединенных наций о статусе беженцев [Protocol Relating to the Status of Refugees, 1967].

<sup>3</sup> Конвенция Организации африканского единства о конкретных аспектах проблем беженцев в Африке [Convention Governing the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa, 1969].

<sup>4</sup> Конвенция Африканского союза о защите и помощи внутренне перемещенным лицам в Африке [African Union Convention..., 2012].

<sup>5</sup> Декларация Хартумского процесса [Declaration of the Ministerial Conference of the Khartoum Process..., 2014].

<sup>6</sup> Протокол Африканского экономического сообщества о свободном передвижении лиц [Protocol to the Treaty Establishing the African..., 2018].

Таким образом, между странами IGAD сложились масштабные и устойчивые миграционные связи, реализуются общие принципы политики в области миграции, что свидетельствует о формировании в регионе единой миграционной системы. Большинство стран имеют крупные диаспоры как в соседних государствах, так и за границами региона. Социальные, экономические, политические и культурные связи между соотечественниками, проживающими в странах исхода мигрантов и в диаспорах за границей, соединяют Восточную Африку с соседними странами континента, а также со странами ЕС, монархиями Персидского залива, ЮАР, США и Канадой, в которых находятся конечные пункты миграционных маршрутов.

## РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Страны IGAD, исходя из типов миграционных связей между ними и остальным миром, можно объединить в две группы:

- 1) продуценты беженцев для самого региона Восточной Африки и других стран: Сомали, Эфиопия, Эритрея, Судан и Южный Судан;
- 2) предоставляющие убежище беженцам из стран первой группы или служащие для них транзитным регионом на пути в страны аккумуляции миграционных потоков: Кения, Уганда и Джибути.

Это деление относительно: большинство государств одновременно производят потоки беженцев и мигрантов, а также предоставляют свою территорию под их размещение и транзит. Разница между группами заключается в балансе между численностью принятых и

отправленных за границу беженцев. Передвижение беженцев, ВПЛ и трудовых мигрантов в миграционной системе Восточной Африки происходит по четырем важнейшим международным маршрутам [Migration Data in Eastern Africa, 2021; Migration Flows in the Horn of Africa and Yemen..., 2019]:

1) *маршрут Африканского Рога*, по которому происходит передвижение беженцев между Эфиопией, Сомали, Эритреей и соседними странами IGAD. Большинство передвигающихся по нему – сомалийцы и граждане Эфиопии;

2) *Восточный маршрут* используется мигрантами из стран Восточной Африки (в особенности, Эфиопии и Сомали), которые следуют через Джибути, Сомали и Йемен преимущественно в Саудовскую Аравию и другие нефтедобывающие страны Аравийского полуострова. Далее часть мигрантов продолжает свой путь и, минув Иран, Ирак и Турцию, попадает в ЕС через Грецию и Болгарию. Таким образом, этот маршрут продолжается морским и сухопутным Восточно-Средиземноморскими маршрутами;

3) *Южный маршрут* проходит через Кению, Уганду и оканчивается в ЮАР. Им пользуются, прежде всего, мигранты из Сомали, Эфиопии и Южного Судана;

4) *Северным маршрутом* пользуются беженцы и мигранты из Эфиопии, Эритреи, Сомали и Южного Судана, желающие достичь стран ЕС. Он проходит через Северную Африку; его ветви направлены в Италию и Испанию, продолжаясь соответственно морским Центрально-Средиземноморским и морским Западно-Средиземноморским маршрутами. Еще одна ветвь пролегает через Египет и Израиль (Синайский маршрут), арабские страны Азии и Турцию, вливаясь в Восточно-Средиземноморский сухопутный и морской маршруты.

Кроме международных маршрутов, в регионе существуют устойчивые миграционные коридоры, связывающие несколько стран IGAD – например, Уганду и Южный Судан, Кению и Сомали. Центральное место в миграционной системе стран Восточной Африки занимает Эфиопия, через которую проходят международные миграционные маршруты из стран IGAD в Европу и монархии Персидского залива – это обусловлено как собственно демографическим потенциалом Эфиопии, так и ее географическим положением на границе с крупнейшими в регионе продуцентами беженцев – Сомали, Суданом и Южным Суданом. Всего же в Эфиопии нашли убежище граждане 19-ти стран [Operational Data Portal..., 2022]. В настоящее время в стране находится более 5 млн вынужденных переселенцев (910 тыс. из которых – беженцы) – больше, чем в любой другой стране данной организации, и их численность в последние годы постоянно растет.

Эфиопия активно участвует в выработке совместной с другими странами IGAD миграционной политики. В 2004 г. на основе международных и региональных договоров с участием Эфиопии было принято национальное Постановление о беженцах, зафиксировавшее переход в политике по отношению к беженцам: от предоставления им базовых услуг – к более прогрессивной модели, основанной на признании их прав. В 2019 г. парламент Эфиопии принял поправки к действующему национальному закону, который предоставляет беженцам право работать и проживать вне лагерей, получать доступ к социальным и финансовым услугам, официально регистрировать в стране акты гражданского состояния [Ethiopia Country Refugee Response Plan, 2020].

Почти половину (43 %, или 392 тыс. в 2021 г.) всех беженцев в Эфиопии составляли выходцы из Южного Судана, 28 % – сомалийцы, 18 % – эритрейцы, менее 6 % – выходцы из Судана. Подавляющее большинство размещались в пограничных со страной их исхода областях Эфиопии: граждане Южного Судана – в Гамбеле, сомалийцы – в провинции Сомали, эритрейцы – в Тыграе и Афаре, суданцы – в Бенишангуль-Гумузе. Единственное исключение составляет столичная территория Аддис-Абеба: она находится

в центре Эфиопии, но, благодаря наличию крупнейшего регионального авиационного узла, откуда беженцы имеют возможность вылететь во многие страны мира, притягивает вынужденных переселенцев со всей страны.

Долгое время Эфиопия относилась к группе стран региона, которые принимали большие по численности потоки беженцев по сравнению с теми, которые они продуцировали. Однако во второй половине 2010-х гг. страну захлестнула волна межэтнических столкновений, в которых погибли тысячи человек: они потрясли провинции Сомали, Оромия, Бенишангуль-Гумуз, Амхара и даже Аддис-Абебу. В значительной степени эскалация насилия была обусловлена политическим кризисом, вызванным развалом правящего с 1991 г. националистического Революционно-демократического фронта эфиопских народов (РДФЭН), который по инициативе премьер-министра Абия Ахмеда Али был преобразован в 2018 г. в Партию процветания [Лошкарёв, Копытцев, 2021]. В результате гражданской войны и усугубившей ситуацию засухи более 1 млн человек столкнулись с угрозой голода [Ethiopia National Displacement Report, 2022]. В результате миллионы граждан страны были вынуждены покинуть свои дома, став ВПЛ.

В настоящее время в стране насчитывается более 4,2 млн ВПЛ; военные конфликты и насилие стали причиной перемещения населения в 80 % случаев, остальные 20 % обусловлены в основном засухой и другими природными катаклизмами. Большая часть ВПЛ приходилась на три провинции Эфиопии: Тыграй (1,8 млн), Амхара (1,4 млн), Афар (470 тыс.); значительное количество ВПЛ было сосредоточено в провинциях Сомали и Оромия [Ethiopia Mobility Overview, 2021]. Растет число беженцев-граждан Эфиопии, которые хотят уехать из своей страны. По данным ООН, только за февраль 2022 г. страну покинули 18683 чел., что на 6 % больше, чем месяцем ранее. Большинство беженцев выражали желание направиться в Саудовскую Аравию (43,7 %), Джибути (17,0 %), ОАЭ (4,4 %) и Сомали (3,9 %), используя Восточный миграционный маршрут; некоторые планировали по Южному маршруту уехать в Кению (4,9 %) и ЮАР (4,4 %); остальные намеривались переехать в страны ЕС по Северному маршруту [Flow Monitoring Dashboard..., 2022]. Таким образом, несмотря на постоянные депортации эфиопских граждан, Саудовская Аравия остается наиболее привлекательной для миграции из Эфиопии страной. По оценкам 2021 г., в Саудовской Аравии проживали не менее 750 тыс. эфиопских граждан, из них около 450 тыс., вероятно, прибыли в страну нелегально и могут быть депортированы, повторив судьбу 320 тыс. своих сограждан, отправленных обратно в Эфиопию в рамках саудовской программы по высылке мигрантов, запущенной еще в 2017 г. [Ethiopia: Hundreds..., 2022].

Многие эфиопские беженцы вынуждены на долгое время останавливаться в транзитных странах по пути своего маршрута. Так, в Судане к началу 2022 г. находилось около 72 тыс. беженцев из Эфиопии – в основном, из Тыграя [Overview of Refugees..., 2022], около 22 тыс. – в Сомали [Refugee Data Finder, 2022], более 13 тыс. – в Джибути [Djibouti: Refugees and Asylum Seekers..., 2022], более 10 тыс. – в Кении [Operational Data Portal..., 2022].

По количеству вынужденных переселенцев в Восточной Африке Сомали уступает лишь Эфиопии и Судану. При общей численности населения около 16 млн человек Сомали долгое время остается одним из лидеров в мире по численности ВПЛ – около 3 млн человек; сомалийская диаспора за рубежом составляет около 2 млн [Kleist, Abdi, 2021], из которых более 573 тыс. – беженцы в странах IGAD (прежде всего, в Кении, Эфиопии и Уганде) [Horn of Africa Somalia Situation, 2022]. Через территорию Сомали проходит Восточный миграционный маршрут – в результате в стране задержались 32 тыс. беженцев (в основном, из Эфиопии), следовавших в аравийские страны [External UNHCR Somalia Monthly Report..., 2021]; большинство из них – в Сомалиленде. В настоящее время миграционная

политика Сомали в сотрудничестве с международными гуманитарными организациями, странами IGAD и мигрантскими ассоциациями сомалийской диаспоры направлена на репатриацию сомалийских беженцев на родину [Горохов, Агафощин, Дмитриев, 2020]. В 2013 г. правительства Кении и Сомали, а также Управление Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ) ООН достигли согласия в этом отношении: финансирование проекта по репатриации в объеме 50 млрд евро взял на себя Чрезвычайный целевой фонд ЕС для Африки, а организацию самого перемещения – УВКБ ООН; кроме того, ЕС выделил 10 млрд евро на борьбу с засухой [Schlindwein, 2016]. В 2021 г. федеральное правительство Сомали на основе комплексного подхода утвердило национальную стратегию долгосрочных решений на 2020–2024 гг. для устранения коренных причин миграции и их последствий. В настоящее время репатриация в Сомали продолжается, и к 2022 г. в страну вернулись почти 135 тыс. беженцев, более 85 % которых ранее находились в Кении.

Уганда входит в число ведущих стран, принимающих беженцев, не только в IGAD, но и в мире в целом. К началу 2022 г. в Уганде концентрировались почти 1,6 млн беженцев: более 60 % их составляли граждане Южного Судана, около 30 % беженцев прибыли из Демократической Республики Конго, около 4 % – из Сомали [Operational Data Portal..., 2022]. Миграционный коридор между Угандой и Южным Суданом по числу беженцев, перемещающихся по нему, лидировал в Восточной Африке; кроме того, через страну проходит одна из ветвей Южного миграционного маршрута.

В 2006 г. Уганда приняла Закон о беженцах [The Refugees Act, 2006], который получил высокую оценку во всем мире как «самый прогрессивный закон о беженцах в Африке», отвечающий международным стандартам их защиты [Ahimbisibwe, 2020]. Согласно ему, беженцы живут в поселениях в принимающих общинах и имеют право на работу, а также доступ к здравоохранению, субсидируемому начальному образованию и прочим гарантированным государственным услугам наравне с гражданами Уганды. В 2008 г. в Уганде дополнительно также был принят закон о предотвращении торговли людьми.

В 2015 г. цели по улучшению положения беженцев были включены в Национальный план развития страны, а в 2018 г. была принята Стратегическая программа расширения прав и возможностей беженцев и принимающего населения, поддерживаемая ООН и Всемирным банком [Refugee and Host Population Empowerment..., 2017]. В Программе устанавливался принцип, в соответствии с которым не менее 30 % всех гуманитарных мероприятий для беженцев должны быть нацелены на потребности принимающей общины; в результате при участии международного финансирования в стране были созданы сельскохозяйственные кооперативы и фермы, построены больницы и школы, в которых работали, лечились и учились как беженцы, так и угандийцы. Правительство Уганды планирует к 2025 г. обеспечить социальное, экономическое и финансовое включение беженцев и принимающих общин в местные планы развития. Несмотря на положительный опыт Уганды по приему беженцев, между местными жителями и беженцами существуют разногласия по вопросам землепользования; 80 % беженцев в Уганде живут за чертой бедности и фактически не получают никакой помощи [Hargrave, Mosel, Leach, 2020].

Если по численности размещенных в стране беженцев в Восточной Африке лидирует Уганда, то по их доле в населении страны – Джибути, где находится штаб-квартира IGAD. Джибути занимает ключевую позицию на Восточном миграционном маршруте между странами Африки и Ближнего Востока, страна предоставила убежище 14 тыс. сомалийцев, 13 тыс. эфиопов, 6 тыс. йеменцев и др. [Djibouti: Refugees and Asylum Seekers..., 2022]. Беженцы составляют 3,5 % населения страны, что ставит ее по этому показателю на 8-е место в мире [Christophersen, 2022]. Джибути проводит миграционную политику в соот-

ветствии с соглашениями IGAD, и активно сотрудничает с Международной организацией по миграции с целью предотвращения незаконной миграции и улучшения условий жизни беженцев.

Сложная гуманитарная ситуация, сложившаяся в Южном Судане [Денисова, Костелянец, 2022], заставила покинуть страну 2,3 млн человек (4 место в мире и первое – в Африке среди стран-производителей беженцев); их число растет, несмотря на частичное закрытие границ из-за пандемии COVID-19 в 2021 г. В стране насчитывалось более 2 млн ВПЛ и около 300 тыс. беженцев из соседних государств – в основном, из Судана [Operational Data Portal..., 2022]. По данным на 2021 г., 8,3 млн человек в Южном Судане, то есть более 2/3 населения страны остро нуждаются в гуманитарной, прежде всего продовольственной, помощи [The South Sudan Crisis..., 2022]. Дальнейший рост числа беженцев из Южного Судана, для которого есть все основания, может привести к крупнейшему миграционному кризису в Африке, который затронет в первую очередь страны IGAD, а в дальнейшем, возможно, и страны ЕС, Ближнего Востока и Южной Африки. В настоящее время около 98 % беженцев из Южного Судана сосредоточено в четырех странах организации: Уганде (41 %), Судане (34 %), Эфиопии (17 %) и Кении (6 %) [Operational Data Portal..., 2022].

Правительство страны осознавая всю остроту проблемы беженцев, проводит политику направленную на возвращение сограждан на родину, а ВПЛ – в традиционные районы их проживания. В этой связи правительства Южного Судана и Судана в 2020 г. при поддержке IGAD и УВКБ ООН приступили к реализации совместной инициативы по мобилизации международной поддержки для репатриации беженцев и ВПЛ, на основе которой был выработан Региональный план реагирования на проблемы беженцев (Regional Refugee Response Plan) в Южном Судане. Несмотря на растущие масштабы миграционного кризиса в Южном Судане, Региональный план остро нуждался в финансировании со стороны международного сообщества: за 2021 г. он получил лишь 21 % необходимого годового объема денежных средств, а к концу марта 2022 г. недостаток финансирования составлял уже 95 % [South Sudan Regional Refugee Response Plan..., 2022].

В Судане также сложилась кризисная миграционная ситуация. В настоящее время на территории страны находится более 1,1 млн беженцев, и сосредоточено около 3 млн ВПЛ; одновременно Судан занимает шестое место в мире по объему производимых потоков беженцев [Refugee Data Finder, 2022]. Большинство беженцев в Судане – граждане соседних стран: около 800 тыс. (71 % беженцев) выходцев из Южного Судана, 129 тыс. – из Эфиопии и 72 тыс. – из Эритреи. Кроме того, Судан, занимая центральное положение на Северном миграционном маршруте, аккумулирует большое количество беженцев – жертв военных конфликтов из Сирии (93 тыс., или 8 % общего числа беженцев), а также ЦАР, Чада и Йемена [Overview of Refugees..., 2022].

Более 3 млн ВПЛ в Судане – результат многолетних религиозно-этнических конфликтов в Дарфуре и Кордофане. Более 80 % всех ВПЛ в стране сосредоточены в пяти провинциях: Северном, Южном, Центральном и Западном Дарфуре, а также Южном Кордофане. Несмотря на все попытки урегулирования со стороны международного сообщества и стран IGAD, которые пытались выступать в качестве посредников между сепаратистскими движениями и официальными властями страны, эти конфликты продолжаются до настоящего времени. В связи с этим усилия УВКБ ООН совместно с правительством Судана и международными спонсорами направлены на обеспечение безопасности и гуманитарной помощи ВПЛ и беженцам в стране.

Около 500 тыс. человек (10 % населения Эритреи) в настоящее время живут в качестве беженцев, большая часть которых располагается в Судане, Эфиопии, Египте и других странах Африки по ходу Северного миграционного маршрута [Refugee Data Finder, 2022].

Именно этим маршрутом пользуются большинство эритрейцев для того, чтобы попасть в страны ЕС. Численность эритрейской диаспоры в мире оценивается более чем в 1 млн человек [Hogwood, Noorer, 2016]: большинство из них – молодые люди в возрасте от 18 до 40 лет, которые спасаются от всеобщей воинской повинности. Эритрейские беженцы, покидая страну нелегально и следуя по Северному миграционному маршруту, уязвимы для торговли людьми и других форм эксплуатации мигрантов, а большая эритрейская диаспора в Европе и Америке является для преступников источником выкупа.

Стоит отметить, что Эритрея не подписала большинства международных конвенций о беженцах, однако она является частью Хартумского процесса, направленного на активное предотвращение и борьбу с торговлей людьми между Африканским Рогом и Европой; также у страны отсутствует национальное законодательство в области защиты просителей убежища и беженцев.

Среди стран Африки – Кения остается одной из ведущих стран, принимающих беженцев. К началу апреля 2022 г. на территории страны размещались 548 тыс. беженцев и искателей убежища, большинство из которых прибыли из Сомали (54 %), Южного Судана (25 %), Демократической Республики Конго (9 %) и Эфиопии (6 %) [Operational Data Portal, 2022]. Кроме того, в Кении насчитывается почти 400 тыс. ВПЛ, появление которых стало результатом межэтнических столкновений в бывшей провинции Рифт-Вэлли [Gettleman, 2008].

В соответствии с Найробийской декларацией, а также двусторонними кенийско-сомалийскими соглашениями, Кения объявила о своем намерении закрыть все лагеря беженцев к концу июня 2022 г. Президент Ухуру Кениата обратился в УВКБ ООН с требованием разработать соответствующий план. Кения и УВКБ ООН, как утверждается в их совместном заявлении, «согласны с тем, что лагеря беженцев не являются долгосрочным решением проблемы принудительного перемещения» [Paravicini, 2022], и обязуются работать вместе над поиском альтернативных решений, в соответствии с Глобальным договором о беженцах – содействовать их репатриации либо интеграции и натурализации в стране пребывания. Речь идет, прежде всего, о крупнейших в регионе лагерях Какума и Дадааб, в которых находятся более 430 тыс. человек. Основными причинами их закрытия кенийское правительство назвало экономический кризис в стране, обусловленный трехлетней засухой и последствиями пандемии COVID-19, а также деятельностью среди беженцев вербовщиков сомалийской экстремистской группировки «Аш-Шабаб» (запрещена в РФ) [Dmitriev, Zakharov, Gorokhov, 2020]. В 2022 г. ЕС выделил 15 млн евро на гуманитарную помощь Кении, в том числе 2 млн – на борьбу с засухой, что явно недостаточно даже для решения проблемы беженцев в этой стране [European Civil Protection..., 2022]. Однако репатриация из Кении такого числа беженцев в столь короткие сроки оказалась сложно осуществимой. На фоне продолжающейся засухи и конфликтов в Сомали в 2022 г. только в лагерь Дабааб прибыло 45 тыс. сомалийских беженцев, таким образом планы по закрытию лагерей пока не осуществлены [Hujale, 2022].

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, современную миграционную ситуацию в регионе Восточной Африки в границах стран IGAD можно характеризовать как критическую. Сомали, Судан, Эритрея, Эфиопия, Южный Судан и их более благополучные соседи страдают от взаимосвязанных и усугубляющих друг друга кризисов, включая вооруженные конфликты, внутриобщинную напряженность и климатические бедствия, которые приводят к масштабному росту численности в регионе беженцев и ВПЛ – то есть к миграционному кризису.

Понятие миграционного кризиса широко вошло в общественный дискурс благодаря событиям 2014–2016 гг. и использовалось для описания социально-экономических и политических последствий прибытия в Европу миллионов беженцев и экономических мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки [Рязанцев, 2021]. Согласно нашим расчетам, в конце 2016 – начале 2017 гг., когда окончилась острая фаза Европейского миграционного кризиса, в Европе было немногим более 3,6 млн беженцев и искателей убежища, а также 318 тыс. ВПЛ. Таким образом, на Европу в начале 2017 г. приходилось всего 6,6 % вынужденных переселенцев от их общего числа в мире (в том числе 15,7 % беженцев и 0,9 % ВПЛ) [Global Appeal..., 2017; Refugee Data Finder, 2022]. В странах IGAD на начало апреля 2022 г. было сосредоточено более 17 млн вынужденных переселенцев, что в 4,3 раза больше, чем их было в Европе в январе 2017 г., а доля стран IGAD в общей численности вынужденных переселенцев в мире в 3,5 раза превышала европейскую в те же временные периоды.

Еще более выразителен показатель коэффициента нагрузки вынужденными переселенцами для стран Европы и IGAD, который свидетельствует, что нынешний кризис для Восточной Африки – значительно более тяжелое бремя, чем Европейский миграционный кризис – для государств ЕС. Так, численность вынужденных переселенцев к январю 2017 г. составляла 878 чел. на 100 тыс. жителей Европы, в то время как для стран IGAD на апрель 2022 г. – 5659 чел. на 100 тыс., то есть почти в 6,5 раз больше! Для некоторых стран IGAD этот показатель еще выше: в Южном Судане – 20285, Сомали – 17809, Судане – 9281 чел. на 100 тыс. населения. При этом для наиболее пострадавших от миграционного кризиса стран Европы этот показатель был значительно ниже – 3308 чел. на 100 тыс. жителей Швеции и 1710 человек – Германии (рассчитано авторами по: [Global Appeal..., 2017; Refugee Data Finder, 2022; World Population Prospects, 2022]).

Таким образом, миграционный кризис в регионе Восточной Африки по своим масштабам и влиянию на страны региона превосходит Европейский и может привести к негативным последствиям в глобальном масштабе в случае, если мировое сообщество не использует имеющиеся ресурсы – политические и финансовые – для решения всего комплекса проблем, вызвавших этот кризис. Уже сейчас беженцы из стран Африки составляют значительную долю среди мигрантов в Европе; к 2050 г., по некоторым прогнозам, если гуманитарная ситуация на континенте не изменится, численность европейцев африканского происхождения может достичь 150 млн человек [Caldwell, 2019], среди которых, учитывая современные миграционные тенденции, значительную часть будут составлять уроженцы стран Восточной Африки.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Горохов С.А., Агафосин М.М., Дмитриев Р.В. Сомалийцы в Швеции: региональное измерение. *Современная Европа*. 2020. № 7 (100). С. 132–143 [Gorokhov S.A., Agafoshin M.M., Dmitriev R.V. Somalis in Sweden: Regional Dimension. *Contemporary Europe*. 2020. No. 7 (100). Pp. 132–143 (in Russian)].

Денисова Т.С., Костелянец С.В. Южный Судан: последствия отделения. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 38–46 [Denisova T.S., Kostelyanets S.V. South Sudan: Consequences of the Secession. *Asia and Africa Today*. 2022. No. 2. Pp. 38–46 (in Russian)].

Лошкарёв И.Д., Копытцев И.С. Трансформация политической элиты Эфиопии и вооруженный конфликт в Тиграе: от вытеснения предшественников к деэскалации? *Ученые записки Института Африки РАН*. 2021. № 4 (57). С. 87–101 [Loshkariov I.D., Kopytsev I.S. Transformation of the Ethiopian Political Elite and the Armed Conflict in Tigray: From Driving Predecessors out to De-Escalation? *Journal of the Institute for African Studies*. 2021. No. 4 (57). Pp. 87–101 (in Russian)].

Рязанцев С.В. Миграционный кризис: понятие и критерии. *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2021. Т. 1. № 1. С. 7–16 [Ryazantsev S.V. Migration Crisis: Concept And Criteria. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No. 1. Pp. 7–16 (in Russian)].

Ahimbisibwe F. *The 2006 Refugees Act in Uganda: Between Law and Practice*. Antwerpen: Institute of Development Policy, 2020.

African Union Convention for the Protection and Assistance of Internally Displaced Persons in Africa (Kampala Convention). *African Union*. 06.12.2012. [https://au.int/sites/default/files/treaties/36846-treaty-kampala\\_convention.pdf](https://au.int/sites/default/files/treaties/36846-treaty-kampala_convention.pdf) (accessed: 08.06.2022).

Caldwell C. The Coming Migration out of Sub-Saharan Africa. *National Review*. 08.08.2019. <https://www.nationalreview.com/magazine/2019/08/26/the-coming-migration-out-of-sub-saharan-africa> (accessed: 16.06.2022).

Christophersen E. These 10 Countries Receive the Most Refugees. *Norwegian Refugee Council*. 29.06.2022. <https://www.nrc.no/perspectives/2020/the-10-countries-that-receive-the-most-refugees/> (accessed: 03.01.2023).

Convention Governing the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa. *African Union*. 10.09.1969. [https://au.int/sites/default/files/treaties/36400-treaty-36400-treaty-oau\\_convention\\_1963.pdf](https://au.int/sites/default/files/treaties/36400-treaty-36400-treaty-oau_convention_1963.pdf) (accessed: 08.06.2022).

Convention Relating to the Status of Refugees. *UNHCR*. 28.06.1951. <https://www.unhcr.org/uk/5d9ed32b4> (accessed: 08.06.2022).

Declaration of the Ministerial Conference of the Khartoum Process (EU-Horn of Africa Migration Route Initiative). *The Khartoum Process*. 28.11.2014. <https://www.khartoumprocess.net/resources/library/download/file?fid=20.60> (accessed: 08.06.2022).

Declaration on the Establishment of IGAD Regional Consultative Process on Migration. *International Organization for Migration*. 14.05.2008. [https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/jahia/webdav/shared/shared/mainsite/microsites/rcps/igad/declaration\\_establishment\\_igadrcp.pdf](https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/jahia/webdav/shared/shared/mainsite/microsites/rcps/igad/declaration_establishment_igadrcp.pdf) (accessed: 17.06.2022).

Djibouti: Refugees and Asylum Seekers (as of 28 February 2022). *The Operational Data Portal. Refugee Situations*. 15.05.2022. <https://data.unhcr.org/en/documents/details/91368> (accessed: 08.06.2022).

Dmitriev R. V., Zakharov I. A., Gorokhov S. A. Spatial Expansion of Islamic Extremism in the Lake Chad Basin: Current Situation and Prospective Directions. *Filosofia Theoretica*. 2020. Vol. 9. No. 1. Pp. 47–62.

Ethiopia Mobility Overview 2021. *Displacement Tracking Matrix. IOM*. 02.03.2022. <https://dtm.iom.int/reports/ethiopia-%E2%80%94-mobility-overview-2021> (accessed: 16.06.2022).

Ethiopia Country Refugee Response Plan 2020–2021. *Operational Data Portal. Refugee Situations*. 23.01.2020. <https://data.unhcr.org/en/documents/download/73572> (accessed: 16.06.2022).

Ethiopia: Hundreds Repatriated from Saudi Arabia after ‘Painful Ordeal’. *Africanews*. 31.03.2022. <https://www.africanews.com/2022/03/31/ethiopia-hundreds-repatriated-from-saudi-arabia-after-painful-ordeal/> (accessed: 16.06.2022).

Ethiopia National Displacement Report: December 2021 – February 2022. *Displacement Tracking Matrix. IOM*. 15.04.2022. <https://displacement.iom.int/reports/ethiopia-national-displacement-report-11-december-2021-february-2022> (accessed: 16.06.2022).

European Civil Protection and Humanitarian Aid Operations – Kenya Factsheet. *European Commission*. 24.10.2022. [https://ec.europa.eu/echo/where/africa/kenya\\_en](https://ec.europa.eu/echo/where/africa/kenya_en) (accessed: 16.06.2022).

External UNHCR Somalia Monthly Report on Registered Refugees and Asylum-seekers – June 2021. *Operational Data Portal. Refugee Situations*. 14.07.2021. <https://data.unhcr.org/en/documents/details/87786> (accessed: 16.06.2022).

Flow Monitoring Dashboard – Ethiopia (February 2022). *Displacement Tracking Matrix. IOM*. 21.03.2022. <https://dtm.iom.int/reports/ethiopia-%E2%80%94-flow-monitoring-dashboard-29-february-2022> (accessed: 08.06.2022).

Gettleman J. Ethnic Violence in Rift Valley is Tearing Kenya Apart. *The New York Times*. 27.01.2008. <https://www.nytimes.com/2008/01/27/world/africa/27kenya.html> (accessed: 08.06.2022).

Global Appeal 2018–2019. *UNHCR*. 15.11.2017. <http://www.unhcr.org/5a0c05027.html> (accessed: 08.06.2022).

Hargrave K., Mosel I., Leach A. Public Narratives and Attitudes Towards Refugees and Other Migrants: Uganda Country Profile. 2020. [https://cdn.odi.org/media/documents/uganda\\_migration\\_country\\_profile\\_final.pdf](https://cdn.odi.org/media/documents/uganda_migration_country_profile_final.pdf) (accessed: 08.06.2022).

Horn of Africa Somalia Situation. *Operational Data Portal. Refugee Situations*. 2022. <https://data2.unhcr.org/en/situations/horn> (accessed: 08.06.2022).

Horwood Ch., Hooper K. *Protection on the Move: Eritrean Refugee Flows through the Greater Horn of Africa*. Washington: Migration Policy Institute, 2016.

Hujale M. Somalis Flee Drought and Conflict to Kenya's Dadaab camps. *UNHCR*. 13.12.2022. <https://www.unhcr.org/news/stories/2022/12/6398407e4/somalis-flee-drought-conflict-kenyas-dadaab-camps.html> (accessed: 28.12.2022).

IGAD Regional Migration Policy Framework. *IGAD*. 11.07.2012. <http://migration.igad.int/wp-content/uploads/2017/02/Regional-Migration-Policy-Framework1.pdf> (accessed: 10.06.2022).

Kleist N., Abdi M. Global Connections: Somali Diaspora Practices and their Effects. *Rift Valley Institute*. 09.03.2021. <https://reliefweb.int/report/somalia/global-connections-somali-diaspora-practices-and-their-effects> (accessed: 08.06.2022).

Migration Data in Eastern Africa. *Migration Data Portal*. 2021. <https://www.migrationdataportal.org/regional-data-overview/eastern-africa> (accessed: 16.06.2022).

Migration Flows in the Horn of Africa and Yemen. Overview – 2018. *Displacement Tracking Matrix. IOM*. 2019. <https://migration.iom.int/data-stories/migration-flows-horn-africa-and-yemen> (accessed: 16.06.2022).

Nairobi Declaration on Durable Solutions for Somali Refugees and Reintegration of Returnees in Somalia. *IGAD*. 25.03.2017. <https://igad.int/devenv/communique-special-summit-of-the-igad-assembly-of-heads-of-state-and-government-on-durable-solutions-for-somali-refugees/> (accessed: 16.06.2022).

Operational Data Portal. Refugee Situations. *UNCHR*. 2022. <https://data.unhcr.org/en/countries/> (accessed 08.06.2022).

Overview of Refugees and Asylum-seekers in Sudan. *UNCHR*. 31.03.2022. <https://data.unhcr.org/en/documents/download/92026> (accessed: 16.06.2022).

Paravicini G. Kenya Tells U.N. It Will Shut Two Camps with 410,000 Refugees by June 2022. *Reuters*. 29.04.2022. <https://www.reuters.com/world/africa/kenya-tells-un-it-will-shut-two-camps-with-410000-refugees-by-june-2022-2021-04-29/> (accessed: 08.06.2022).

Protocol Relating to the Status of Refugees. *UNCHR*. 04.10.1967. <https://www.unhcr.org/uk/5d9ed66a4> (accessed: 08.06.2022).

Protocol to the Treaty Establishing the African Economic Community Relating to Free Movement of Persons, Right of Residence and Right of Establishment. *African Union*. 29.01.2018. [https://au.int/sites/default/files/treaties/36403-treaty-protocol\\_on\\_free\\_movement\\_of\\_persons\\_in\\_africa\\_e.pdf](https://au.int/sites/default/files/treaties/36403-treaty-protocol_on_free_movement_of_persons_in_africa_e.pdf) (accessed: 08.06.2022).

Refugee and Host Population Empowerment: Strategic Framework – Uganda. *Operational Data Portal. Refugee Situations*. 16.02.2018 <https://data.unhcr.org/en/documents/details/64166> (accessed: 08.06.2022).

Refugee Data Finder. *UNHCR*. 2022. <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?url=nC5jH1> (accessed: 16.06.2022).

Sch lindwein S. Migration Policy in Somalia: Returning Home by Choice and Force. *Taz Info*. 12.12.2016. <https://taz.de/Migration-policy-in-Somalia!/5418055/> (accessed: 16.06.2022).

South Sudan Regional Refugee Response Plan. January – December 2022. *Operational Data Portal. Refugee Situations*. 17.03.2022. <https://data.unhcr.org/en/documents/download/91426> (accessed: 16.06.2022).

The Refugees Act. Uganda. *UNHCR*. 24.05.2006. <https://www.refworld.org/pdfid/4b7baba52.pdf> (accessed: 08.06.2022).

The South Sudan Crisis, Explained: 5 Things You Need to Know. *Concern Worldwide*. 13.12.2021. <https://www.concernusa.org/story/south-sudan-crisis-explained> (accessed: 08.06.2022).

World Population Prospects 2022. *Population Division. UN*. 2022. <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (accessed: 16.06.2022).

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ГОРОХОВ Станислав Анатольевич – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, Москва, Россия

Stanislav A. GOROKHOV, DSc (Geography), Leading Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

АГАФОШИН Максим Михайлович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН, Москва, Россия

Maksim M. AGAFOSHIN, PhD (Geography), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ДМИТРИЕВ Руслан Васильевич – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, Москва, Россия

Ruslan V. DMITRIEV, DSc (Geography), Leading Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.